

Медиагенеалогия заражения: сифилис — СПИД — ковид

ИРИНА ГРАДИНАРИ

Профессор гендерных исследований, Институт литературы и медиатеории, факультет культурологии и социологии, Хагенский заочный университет (FU Hagen). Адрес: 33 Universitätsstraße, 58097 Hagen, Germany. E-mail: irina.gradinari@fernuni-hagen.de.

ИГОРЬ ЧУБАРОВ

Директор, Институт социально-гуманитарных наук; проректор, Тюменский государственный университет (ТюмГУ). Адрес: 625003, Тюмень, ул. Ленина, 23. E-mail: i.m.chubarov@utmn.ru.

Ключевые слова: ВИЧ; СПИД; сифилис; COVID-19; биополитика; социальное исключение; Донна Харауэй.

Статья посвящена генеалогии отношения к вирусам в социально-политической практике в свете новой коронавирусной пандемии. Дисциплинарное общество и общество контроля приобретают еще со времен ВИЧ-кризиса 1980-х годов совершенно новую конфигурацию. СПИД, а теперь и COVID-19 как кризисные социальные феномены не просто оказали большое влияние на (сексуальные) отношения, но явились причиной существенного изменения общественного и политического порядков. Эпидемии и пандемии мобилизуют политические структуры и конституируют властные отношения, изменяя порядок контроля над телами, устанавливая новые дифференциации и перепределяя, что такое болезнь. Следуя развитию дискурсов о сифилисе, СПИДе и COVID-19, авторы описывают, как сегодня производится знание о болезни, мифологичное в своих истоках и немислимое без эстетической визуализации и массмедийных технологий. Если сифилис точно соответствовал парадигме дисципли-

нарного общества, стигматизировал тело удовольствия и абстрагировал патологию, активируя проекционные механизмы как признак Другого, то СПИД уже существенно отличается от этой парадигмы — при определении ВИЧ применяются другие медицинские технологии, что оказывает влияние на эпистемологию болезни и эпидемии.

В статье рассматривается феномен ВИЧ/СПИД как переходная модель от эпидемий прошлого (лепра, чума, оспа, сифилис) к пандемии COVID-19 и прежде всего фиксируется изменение режима биополитики: тела больше не контролируются и не регулируются через сексуальность. COVID-19 — это новая форма социальности, которая не базируется на исключении «патологических» форм сексуальности, «девиантных» или «извращенных» тел, а задействует объектный микроуровень отношений между вирусами, иммунной системой и геномом человека, которые затем с искажениями и подменами переносятся на социальные отношения и практики.

Вирусная политика и борьба за истину

ИЗМЕНЕНИЯ, которые пандемия с господствующим сигнификантом *Coronavirus* привнесла в структуру обществ, в этику человеческих отношений, как и отношений с нечеловеческими объектами, сейчас едва ли можно понять полно и цельно. Возможно лишь фрагментарно и гипотетически, а то и провокационно занять частную экспертную позицию в попытке проникнуть в общую логику новой «вирусной» политики, которая, разумеется, не сводится к действиям властей и санитарно-гигиеническим мерам эпидемиологов, а затрагивает самых разнообразных акторов и широкие сети.

С одной стороны, экспертиза, на которую может претендовать средний интеллект в эпоху *COVID-19*, — это только личный опыт самоизоляции, который подозрителен сразу в двух смыслах: он и не уникален, и не самостоятелен. Поэтому и выбор у такого эксперта небольшой: либо апология решений, принятых за него кем-то другим, либо их отчаянная и уже приевшаяся критика без предложения сколько-нибудь серьезных альтернатив. Последним путем пошло большинство философов и социологов, психологов и антропологов светского салона мировых экспертов по всем актуальным вопросам современности. Проблема, которая объединяет опубликованные работы, — поспешность: написанные на злобу дня, они лишь воспроизводят свои задолго до пандемии заявленные методологии и исследовательские позиции. Многие гуманитарии недооценили сингулярность этого события или даже оспаривали его оригинальность в угоду перманентной критике капитализма, суверенных моделей власти и биополитических стратегий¹.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и фонда «За русский язык и культуру (РЯИК)» в рамках научного проекта № 20-511-23001 РЯИК.

1. В этом грехе можно упрекнуть Джорджо Агамбена, Славоя Жижека, Бруно Латура, Поля Пресьядо и многих других. См.: *Agamben G. L'invenzione di un'epidemia* // Quodlibet. 26.02.2020. URL: https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia?fbclid=IwAR3YZmAoLVJLM1l-9PgCJmicbXGVARCv_GRmL2_oubg1EZG4dKU2WigOfrFY; *Latour B. La crise sanitaire incite à se préparer à la mutation climatique* // Le Monde. 25.03.2020.

При этом чрезмерное количество заявок, заметок, статей и даже целых сборников и монографий (у «естественников» — ничуть не меньше, чем у гуманитариев) говорит о борьбе факультетов «за риторическую собственность на болезнь: как ей пользуются, какими аргументами и клише оперируют для ее описания»². Вопрос о значимости пандемии беспокоит политиков, журналистов и простых граждан отнюдь не только в контексте банального инстинкта самосохранения и выживания, но и ввиду ставшего предрешенным, нормальным и безальтернативно апокалиптическим будущему, которое, однако, не наступает.

Шансом на социальные преобразования и решения за их счет глобальных человеческих проблем, который был дан событием пандемии (временным локдауном и т. д.), мы, скорее всего, не воспользуемся. Но это еще не повод для меланхолии, блокировки социального воображения и консервативных выводов³. Одно ясно — политическая жизнь перевернулась, и, кстати, согласно предсказуемой диалектике, например в Германии, политически правые стали гораздо больше критиковать действия центральных властей по ограничению свободы в период пандемии, а левые и зеленые — поддерживать их самые жесткие и абсурдные решения по изоляции и контролю.

Однако вирусологи и эпидемиологи, которые во многом определяют сегодня политическую повестку, не могут дать обществу адекватных и исчерпывающих ответов на вопросы социально- и антропологического характера, как и рефлексивно описать новую «иммунную» политику, в которой они по факту участвуют и так или иначе воспроизводят в своей практике⁴. В контексте

URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/03/25/la-crise-sanitaire-incite-a-se-preparer-a-la-mutation-climatique_6034312_3232.html?fbclid=IwAR24a11jd_estM54wPR7nSuUEBOWtuZdZIkcmRgbr9exZMbZ_iigkzkYsHs;
Пресьядо П. Уроки вируса // Центр политического анализа. 07.05.2020.
URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/uroki-virusa>.

2. Ср. фрагмент книги Сьюзен Зонтаг «СПИД и его метафоры» в настоящем номере «Логоса».
3. Ср.: *Wagner P.* COVID19, HIV/AIDS, and the “Spanishflu”: Historical Moments and Social Transformations // Thesis Eleven. 24.06.2020. URL: <https://thesiseleven.com/2020/07/24/covid-19-hiv-aids-and-the-spanish-flu-historical-moments-and-social-transformations> (перевод статьи Петера Вагнера см. в настоящем номере «Логоса»).
4. Ср. яркий пример разрыва между экспертизой в области микробиологии, вирусологии, эпидемиологии и социально-антропологическими импликациями специалистов-естественников в книге: *Тарантул В.* Имя ему СПИД. Четвертый всадник Апокалипсиса. М.: ЯСК, 2005.

мультимедийной публичности соответствующие дебаты, которые, как правило, ведутся внутри монодисциплин и институциональных направлений, привели только к тотальному кризису профессиональной экспертизы при ее увеличивающейся общественной востребованности⁵.

Именно эта ситуация вызвала жесточайшую конкуренцию экспертных мнений, различных эпистемологических и социально-политических парадигм. Экспертиза является полем отчаянной борьбы за «правду», при которой апробируются имеющиеся методики для освещения и анализа пандемии. При этом само событие пандемии уже дисквалифицировало ряд моделей, еще недавно претендовавших на универсальность и господство в общественных науках, выдвинув на первый план историчность и социальную сконструированность самого знания, причем не только гуманитарного. Здесь можно упомянуть, например, модель социального исключения, потерпевшую в ковидном контексте очевидное фиаско⁶.

Кстати, наиболее интересные позиции в развернувшейся полемике смогли озвучить до этого менее известные итальянские, греческие и индийские философы. В частности, Дивья Двиведи и Шай Мохан указали Агамбену на случаи неисключительности исключения (*non-exceptionality of exceptions*), когда исключение подразумевается самой техникой борьбы с инфекцией, а зауженность академического сознания и недопонимание соотношения медико-биологических теорий, санитарно-полицейских мер и эпидемиологических инноваций приводили предшественников наших ковид-диссидентов к настоящим репрессиям в отношении коллег (казус Земмельвейса)⁷.

Мы являемся, таким образом, свидетелями беспрецедентной борьбы за «истину», при который становится явной и та полифо-

5. Маяцкий М. Диагноз без прогноза // Colta. 20.04.2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/24142-mihail-mayatskiy-o-peremenah-i-paradoksah-pandemii>; Краснев И. Семь последствий пандемии коронавируса // Sapere aude. 26.07.2020. URL: <https://sapere.online/post/sem-posledstvii-pandemii-koronavirusa>.
6. См. дискуссию вокруг текста Агамбена про COVID-19: Coronavirus and Philosophers // European Journal of Psychoanalysis. 20.03.2020. URL: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/?fbclid=IwAR-34la7C6s_4JHu_FJEkN-W1ZWQeZ5qhBFxOEh3uBrz7B5NGuP8lp5Z4gfE.
7. Dwivedi D., Mohan S. The Community of the Forsaken: A Response to Agamben and Nancy // Positions. 06.08.2020. URL: <http://positionspolitics.org/divya-dwivedi-and-shaj-mohan-the-community-of-the-forsaken-a-response-to-agamben-and-nancy>.

ния естественных наук, на которую американский биолог и феминистский теоретик Донна Харауэй обратила внимание уже в 1980-х годах⁸. Знание естественных наук, в том числе микробиологии и вирусологии, не является открытием в том смысле, что ученым стоит только найти и описать объект своего исследования. С одной стороны, это конструкция, возникающая в ходе взаимодействия ученого и изучаемого объекта, методов его описания и применяемой для этого аппаратуры. С другой стороны, знание — это борьба различных школ и методологий, дискурсивный поиск консенсуса или даже попытка установить одну точку зрения, делегитимируя иные перспективы. Но это еще и война за ресурсы: финансирование науки, вернее, распределение выделяемых на исследования бюджетов согласно весомости или уровню алармизма заявок, а также апокалиптических прогнозов и аргументов социальной полезности, приводимых в них представителями различных научных направлений и академических институций. В формировании актуальных тем и режимов функционирования знания надо также учитывать «социальный заказ» и интерес отдельных властных группировок, правящих элит и рыночных игроков. Независимыми и автономными академические научные исследования явно не являются.

Знание в науке давно и не позиционирует себя как изучение объективной реальности внешнего, оно, как в случае с открытием иммунизации, является вторжением в объект, процессом диффузии и гибридизации природного, человеческого, социального и технологического. Само по себе знание в классическом его понимании, то есть с точки зрения ответа на вопрос «Как все устроено?», здесь почти не задействуется и носит «философский» характер, причем как в социально-гуманитарных, так и в естественных науках. Как все устроено — уже и не важно. Тем более что ситуация постправды предполагает возможность и убедительность всех версий и невозможность утверждения какой-то окончательной версии событий при идентификации конечного числа его объектов и субъектов. Роберто Эспозито соотносит это изменение в восприятии научного знания с изменением определения тела как понятия естественного воплощения правды — размывание границ тела и нарушение медициной его целостности приве-

8. *Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism as a Site of Discourse on the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14. № 3. P. 575–599.*

ли и к «открытости» смысловых конструкций и конкурентности «истин»⁹.

Культуролог Кристина фон Браун и филолог Инге Штефан обратили внимание на то, что иерархия научных дисциплин и знания по сути своей мифологична, так как связана с обещанием бессмертия, которое, разумеется, останется неисполнимым. Долгое время главенствовало теологическое знание, обещающее доступ к божественному и тем самым к бессмертию¹⁰. В ходе образования национальных государств теология уступила место сначала философии (в эпоху Просвещения), а вскоре — историографии, которая обещала коллективное бессмертие через архив и культурную память. И наконец, главенствующее место отошло естественным наукам, особенно биологии и медицине, сулящим нам теперь бессмертие посредством нанобиотехнологий и кибернетических механизмов, трансплантологии, скрещивания человека с машиной и т. д. Сегодня мы наблюдаем, как технологичное знание не просто выступает на первый план, а привносит свою логику в социальные структуры и при этом все более автономизируется, следуя своей референциальности. При этом оно действительно обогащает фундаментальную науку, хоть и ненамеренно. Скорее, напротив, цели фундаментального знания проявляются в его технологическом применении. В этом смысле знание действительно становится силой, ибо цели его обретаются в приобретении и применении соответствующей силы как власти для конкретных управленческих решений. Ситуация с *COVID-19* продемонстрировала, что био- и медицинские технологии установили новый стандарт здорового тела, не в последнюю очередь — в связи с развитием дигитальных технологий и искусственного интеллекта и нейросетей, воображаемых как бессмертные киборг-тела, которые можно чинить и чинить, притом что разум можно сохранять и загружать в новые тела. Тело не имеет право на болезнь и является потенциальной угрозой сети, которая регулируется информационными потоками и цифровыми форматами, но никак не жизненным циклом тела доцифровых эпох.

9. *Esposito R. Immunitas. Schutz und Negation des Lebens. B.: Diaphanes, 2004. S. 211.*

10. *Braun C., Stephan I. Gender@Wissen. Ein Handbuch der Gender-Theorien. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013. S. 11–54.*

Аппараты телопроизводства: Донна Харауэй

Прежде чем перейти к нашей основной теме — медийной контекстуализации эпидемии ВИЧ в соотношении к сифилису и SARS-CoV-2, ее репрезентации в ряду подобных социально-природных кризисов в прошлом и настоящем, необходимо подчеркнуть некоторые основные предпосылки относительно «аппарата телопроизводства», как его назвала Донна Харауэй¹¹, чтобы осмыслить парадигмальный сдвиг, происходящий сегодня в сферах природного и социально-политического. Тела давно перестали быть стабильными, естественными системами, а природа — «милым домом» или человекоразмерной ойкуменой. Соответствующие представления о природе человека доминировали с XIX века вплоть до послевоенного времени, середины XX века. Сама критика эссенциалистского подхода к телу, которое является якобы пассивным продуктом культурных техник, как раз и стала возможной в связи с развитием новых (медицинских и коммуникативных) технологий. Биомедицинское и биотехнологическое тело (как и вирусы) стали поэтому, по Харауэй, чрезвычайно мобильным полем стратегических дифференциаций, производящих его как сложную семиотическую систему на стыке телесных функций, науки, медицинских технологий и используемой аппаратуры¹². Болезни здесь указывают на стратегические ошибки или недоработки тела как милитаристской системы. Понятие индивидуальности, по Харауэй, сформировавшееся в данной форме в ходе холодной войны на фоне возникающей в те годы ядерной угрозы, становится вопросом стратегической защиты. Отчасти она является и наследием западной колонизации Африки, породившей стратегии обесценивания Другого и его эксплуатации. Другой рассматривался в лучшем случае в качестве потенциальной угрозы, в худшем — примитивного существа. Но и в том и в другом случае Другие позиционировались проекционным зеркалом европейской и американской культуры, или, как принято сейчас говорить, культуры глобального Севера, которая отражала собственные страхи и потаенные желания Запада, едва ли осмысленные им самим и положенные в основу западной науки и его активно познающего и апроприирующего мир белого мужского

11. *Haraway D.* Die Biopolitik postmoderner Körper. Konstitutionen des Selbst im Diskurs des Immunsystems // *Idem.* Die Neuerfindung der Natur. Fr.a.M.; N.Y.: Campus, 1995. S. 170.

12. *Ibidem.*

субъекта¹³. Данная эпистемология базировалась на прочерчивании четких границ между самостью и Другими, проводимых в том числе и иммунологией как одной из наиболее финансируемых отраслей научных исследований.

На смещение упомянутых семантических полей, кодирующих тело как поле боя на языке милитаристских метафор, указывала и Сьюзан Зонтаг в своем знаменитом эссе «Болезнь как метафора»¹⁴. Она понимала болезнь в контексте капиталистической культуры потребления, в которой сексуальность является товаром, и также указала в связи с этим и на глобальность эпидемий. Хотя в результате сама увлеклась обратной метафоризацией¹⁵. Но Зонтаг все же была на верном пути. В мире транснационального капитала, глобализации и мобилизации имеющиеся социально значимые дифференциации, а с ними и структуры субъективности претерпевают фундаментальные изменения, требующие нового методологического подхода, которого ей как раз и не хватило.

Критикуя миф тотальной защиты и непреходимой границы между самостью и Другим, Харауэй указывает на мифологичность иммунологии:

Иммунная система — это в первую очередь объект XX века. Она представляет собой картирование, которое направляет процесс различения и ошибочного различения себя и другого в диалектике западной биополитики. <...> Иммунная система — это иконический и мифологический объект культуры высоких технологий и предмет первичного порядка для исследования и клинической практики. Миф, лаборатория и клиника тесно переплетены друг с другом¹⁶.

Она предлагает понимать иммунитет как способность самости с частично проницаемой мембраной вступать в отношения с человеческими и нечеловеческими, внутренними и внешними Другими — ситуативную (не-)возможность индивидуации и идентификации, частичного (иногда опасного) слияния и смешивания. При этом тело выступает коагентом этих сложных отношений собственного определения.

13. См.: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2016.

14. См.: Зонтаг С. Болезнь как метафора / Пер. с англ. М. Дадяна, А. Соколинской. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2016.

15. Ср. статью Дмитрия Краlechкина и Инны Кушнаревой в настоящем номере «Логоса».

16. Haraway D. Die Biopolitik postmoderner Körper. S. 162.

Итак, тела и вирусы — это продукт взаимодействий, которые были бы невозможными без комбинации органического, технологического их определения и описания, медицинских аппаратов, их эстетической визуализации и мифологии, соединяющей эти едва ли связуемые сферы в смысловой нарратив, который, в свою очередь, и актуализирует современные границы телесного. Тем самым Харауэй отходит от понятия тела у Фуко, которое хоть и является объектом и продуктом дискурсивного влияния, все же одновременно конституируется как додискурсивное и целостное, продолжая гуманистические антично-христианские традиции, на что также указывал Эспозито¹⁷.

Харауэй, напротив, показывает, что технологии, аппараты и научные подходы давно расчленили тело на микроэлементы, в результате образовав тело как нестабильную, некогерентную и динамичную систему, рекомбинирующуюся в ходе технологических или социально-политических изменений. В своем знаменитом манифесте киборгов она предлагает задействовать киборга как новую эпистемологическую фигуру, освобожденную от патриархальных эпистемологических традиций¹⁸, что пока едва ли выполнимо в силу господствующих эпистемологий, институционализированных и обросших традициями. Если последовать этим соображениям, то выйдет, что мы являемся свидетелями определения новых границ телесности, задаваемых медико-технологической информацией, медийной коммуникацией и кинонарративами об эпидемиях, образы которых давно наполнили коллективное Воображаемое, задолго до актуальной пандемии.

Вторая предпосылка — это структурные изменения социальных институтов и новый уровень контроля посредством цифровых технологий. В беседе с Антонио Негри и заключении к книге интервью 1972–1990 годов «Переговоры» Жиль Делёз, ссылаясь на исследования режимов власти Мишеля Фуко, отмечает, что уже после Второй мировой войны дисциплинарная система власти претерпевает кризис в государственных и социальных институтах, позволяя говорить о наступлении новой «эпохи контроля» и соответствующего устройства общества. Поэтому необходимо подумать, идет ли еще речь о биополитике, как ее описал Фуко, или мы уже находимся в новом режиме власти. «Общество контроля» характеризуется размыванием институциональных гра-

17. *Esposito R. Immunitas. Schutz und Negation des Lebens. S. 205.*

18. *Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ad Marginem, 2017.*

ниц, возникновением предпринимательства (как центральной логики институтов), сферы услуг как основных видов общественной деятельности и маркетинга как преобладающей формы социального контроля. «Контроль осуществляется через краткосрочные операции и молниеносные прибыли, но вместе с тем он непрерывен и безграничен»¹⁹. Кибернетика и компьютер начинают играть при этом основополагающую роль, расширяя, тотализуя и интенсифицируя коммуникацию, через которую и осуществляется контроль. Характерно, что наряду с аналитическим описанием этого «газообразного» общества сама тональность анализа предстает у Делёза критической, выражаясь в терминах сопротивления — на квазимарксистском левом языке конца 1970-х — начала 1990-х годов. Однако феномен контроля у Делёза следует рассматривать не в односторонне критическом ключе, а в контексте «социотехнических исследований» его механизмов, которые позволяют увидеть в современном общественном устройстве и новых медиа не только тупики «капитализма» и режим господства «бесстыдных хозяев», но и новые возможности для развития индивидуальной и социальной свободы.

И наконец, последняя предпосылка — это медиализация социального пространства, из которой последовал ряд политических изменений и реструктурирование властных отношений. Делёз, в отличие от Фуко, уделял медиа, особенно кино, много внимания, развил собственную топологию мышления, основанную на аудиовизуальной логике, и указывал также на большую роль телевидения в «обществе контроля». В письме Сержу Данею в тех же «Переговорах» Делёз писал:

... телевидение — это та форма, в рамках которой новая власть «контроля» становится непосредственной и прямой. Подойти к самому сердцу этой конфронтации значило бы задать себе вопрос: не может ли этот контроль быть развернут, обращен сам на себя, поставлен на службу функции дополнения, которая противостоит власти, — изобрести *искусство контроля*, которое было бы новой формой сопротивления²⁰.

Так что и формы сопротивления немислимы вне массмедиа, как, например, можно прочесть далее:

19. Делёз Ж. Переговоры / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 233.

20. Там же. С. 105. Курсив наш. — И. Г., И. Ч.

Речь не идет о том, чтобы обойтись без телевидения, — как это сейчас возможно? — а о том, чтобы не позволить ему полностью исказить кино, замкнув на себя ход его развития в новых типах изображения²¹.

Разумеется, телевидение, претерпевшее сегодня цифровую трансформацию, остается, как и во времена Делёза, рупором суверенной власти, его основным медиумом, особенно с новообретенной силой в кризисный период пандемии, — пока телевидение вещает, существует и само государство. Эта нормативная роль была отведена одно время и кино, однако со временем стало ясно, что не только некогда привилегированный, элитарный авторский подход мог переворачивать идеологические постулаты власти (делезовские примеры режиссеров — Бергман, Рене, Годар, Коппола, Штрауб, Дюрас, Эйзенштейн, Барнет, Параджанов, Тарковский и др.), но и популярное кино не может быть до конца апроприровано господствующей властью. Кроме того, популярное кино оказалось более эффективным в мобилизации масс как раз в силу своей популярности. Зигфрид Кракауэр говорил о том, что кино выражает бессознательное масс, вкусы которого оно само и формирует²². Развивая свой аффективный потенциал, как раз жанровое кино и создало (на основе апробированных эстетик) партикулярные перспективы и тем самым сделало возможным новое частичное видение²³, являющееся основой всех актуальных политических дебатов²⁴.

В связи с этим изменилось само переживание и восприятие реальности — речь идет о «медиальном реализме»²⁵, или «гиперреализме»²⁶, при котором произошло размывание границ между фикцией и фактом, переворачивание референций. Славой Жижек со ссылкой на Жана Бодрийера постоянно говорит о боль-

21. Делёз Ж. Переговоры. С. 106. Перевод изменен.

22. *Kracauer S. Von Caligari zu Hitler: Eine psychologische Geschichte des deutschen Films.* Fr.a.M.: Suhrkamp, 1984. S. 12.

23. *Gradinari I., Pause J. Medialisierung der Macht. Zur Gegenwart des politischen Kinos // Medialisierung der Macht / I. Gradinari et al. (Hg.). Paderborn: Wilhelm Fink, 2018. S. 14.*

24. См.: *Butler J. et al. Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left.* L.; N.Y.: Verso, 2000. P. 300; total. — *Universalismus und Partikularismus in post_kolonialer Medientheorie / U. Bergemann, N. Heidenreich (Hg.). Bielefeld: Transcript, 2015. S. 356.*

25. *Gradinari I., Pause J. Op. cit. S. 19–20.*

26. *Žižek S. Die Pest der Phantasmen: Die Effizienz des Phantasmatischen in den neuen Medien.* Wien: Passagen, 1997. S. 99.

шей реалистичности картинок в интернете и кинообразов, чем самой реальности. Художественный вымысел, эдакая «фактичность в сослагательном наклонении», основывает и легитимирует политические решения. Медийные процедуры, аппараты и эстетика структурируют медиасообщества, конституируя тем самым медиальный реализм, так что власть определяется и вообще выражается через связь различных медийных операций²⁷.

Итак, мы наблюдаем уравнивания различных сфер в производстве реальности — политика не принадлежит только политикам, как и знание ученым, а происходит из интеракции различных акторов, медиатехнологий и аппаратуры. При этом эстетические и фиктивные элементы, циркулирующие в культуре, помогают снабдить знание смыслом и, таким образом, взять под контроль и саму реальность.

Сифилис — ВИЧ — ковид

Из всех дискурсивно значимых эпидемий прошлого столетия, оказавших влияние на мировую политику, скорее всего, именно сифилис соответствовал парадигме дисциплинарного общества, однако тоже не сразу, а с опозданием примерно на 500 лет. Сифилис стал тем, каким мы его и сегодня знаем, в ходе XIX века, когда, по Фуко, формировалось гражданское общество со своей новой паноптической парадигмой управления. Именно тогда интерес к «патологиям», «отклонениям», «извращениям» и «болезням» конституировал большинство гуманитарных научных дисциплин и сдвинул саму социальную норму, которая хоть и была рестриктивной и гетеросексуальной, но все же вторичной по своей сути, производной от патологии. Фуко описал субъект как продукт подчинения, произведенного дискурсивными операциями. Позднее гендерные исследования развили его мысль; например, Джудит Батлер указала и на производство (феминного, квир-, расового и колониального) Другого для стабилизации (мужского белого западного) субъекта. В этом контексте был пересмотрен и сифилис. Активируя проекционные механизмы, он служил и теперь стигматизации тела удовольствия, однако патология превратилась в признак Другого²⁸. Возникновение сифилиса в Средневековье приписывалось в зависимости от перспективы заболевшего субъекта то итальянцам, то францу-

27. *Gradinari I., Pause J. Medialisierung der Macht. S. 19–20, 24.*

28. *Wood C. S. Syphilis in Anthropological Perspective // Social Science and Medicine. 1978. № 1. P. 47.*

зам, то американцам, то немцам, что согласуется, по Полю Пресьядо, с зарождающейся колониальной эпистемологией²⁹.

Первые подтвержденные случаи датируются 1495 годом в итальянском войске в ходе войны с французами³⁰. Религиозная иконография сифилитиков (по большей части мужчин) представляет их, согласно известному американскому литературоведу и культурологу Сандеру Гилману³¹, в качестве известной аллегории меланхолии, как падших грешников, пародию на Христа или мучеников, на которых нисходит гнев господень, но которым дарована надежда на выздоровление в образе Божьей матери с младенцем. В ходе XIX века воплощением сифилиса в изобразительном искусстве становится женщина, которая и в религии представляла воплощением сексуального наслаждения (*concupescentia*), а вследствие укрепления бинарной гетеросексуальной матрицы вообще перестала быть субъектом наслаждения. Женщина обрела статус объекта, так что сексуально активные женщины и сексработницы стали носителями и источниками заразы³², проводя норму по оси бинарной матрицы и определяя норму посредством патологии (полигамия, проституция, женщина). К этой же традиции принадлежит, например, «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Не удивительно, что, следуя этой логике, в конце XIX века, когда были популярны расистские теории, сифилис был связан и с расистскими структурами, стигматизируя этнических, расовых или религиозных Других. Так, считалось, что евреи и афроамериканцы особенно склонны к сифилису, хотя заболевших евреев, например, по данным, собранным в Вене и Будапеште, было выявлено намного меньше, чем католиков и протестантов³³. Тут же выдвигалась теория, что ранние браки у евреев способствуют профилактике сифилиса, как и рабство якобы способствует профилактике распространения сифилиса у африканцев. Стигматизация следовала как из феминизации евреев³⁴, отчасти обоснован-

29. *Preciado P.* Learning From the Virus.

30. *Quétel C.* Der Preis der Sünde. Die Lustseuche im Ancien Régime // Die sexuelle Gewalt in der Geschichte / A. Corbin (Hg.). B.: Klaus Wagenbach, 1992. S. 29–44.

31. *Gilman S.* AIDS and Syphilis: The Iconography of Disease // October. Winter 1987. Vol. 43: AIDS: Cultural Analysis/Cultural Activism. P. 87–107.

32. *Quétel C.* Op. cit. S. 29–44.

33. *Hödl K.* Der 'jüdische Körper' als Stigma // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. 1997. № 8. S. 216.

34. *Idem.* Die Verweiblichung der Juden // *Idem.* Die Pathologisierung des jüdischen Körpers. Antisemitismus, Geschlecht und Medizin im Fin de Siècle. Wien: Picus, 1997. S. 164–232.

ной ритуалом обрезания³⁵, так и из представлений о повышенном сладострастии и животноподобной сексуальности евреев и африканцев³⁶. И наконец, происхождение сифилиса было также перенесено в Африку³⁷. Сифилис появился в прафильмовую эпоху, так что связь сифилиса с формой тела или цветом кожи не случайна. Иконография изобразительного искусства сыграла решающую роль в появлении понятия сифилиса, который стал поэтому «видимой» болезнью на поверхности тела, коинцидирующей признаками Другого. Уже только одна видимая инаковость по отношению к нормативному западному белому мужскому субъекту предполагала ряд патологий и отклонений.

Сифилис означал при этом не просто смертельную болезнь, а болезнь позорную, сопровождающуюся социальной «смертью». Заразиться сифилисом означало «загрязнить» тело сексуальностью, проявив его «животную», «працивилизованную» сущность. Поэтому и лечение сифилиса было долгое время сродни наказанию: уродование и истязание тела, запечатление на коже позорной стигмы и практики истребления греха страданием. Это опять же способствовало «проявлению» лечения сифилиса на теле, зачистую превосходящему сами симптомы.

ВИЧ отличается от сифилиса уже тем, что при определении этого вируса применялись другие медицинские технологии, что повлияло и на эпистемологию эпидемии. Прежде всего, ВИЧ невидим и в процессе своего прогрессирования не отличается от других иммунодефицитных заболеваний. Он протекает в форме иных заболеваний, то есть не имеет собственной формы. ВИЧ невозможно считать с тела, у него нет собственной характеристики, его может выявить лишь высокотехнологичная диагностика. Он уже по сути своей невозможен без вирусологии и медицинских аппаратов, которые являются конститутивной частью этого заболевания, смещая границы тела на клеточный уровень. Момент заражения не связан более с началом болезни. Стигматизация геев, наркозависимых и больных гемофилией (а вскорости и гаитян) стала скорее компенсационным механизмом массмедиа, необходимым как образ для невидимого, едва ли когнитивно определяемого вируса. При этом вначале,

35. *Gilman S.* The Case of Sigmund Freud. Medicine and Identity at the Fin de Siècle. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.

36. *Idem.* Rasse, Sexualität und Seuche: Stereotype aus der Innenwelt der westlichen Kultur. Hamburg: Rowohlt, 1992.

37. *Idem.* AIDS and Syphilis.

когда болезнь была впервые диагностирована, для понимания СПИДа привлекались образы прошлого, что указывает на сосуществование различных эпистемологических подходов и образов, которые помогли как бы создать символический контроль над болезнью и коллективными страхами, например, через вышеописанные механизмы проекций и отщеплений. Но последние, как правило, следуют не медицинской логике, а своим эстетико-медийным традициям. Стигматизация больных ВИЧ была инициирована самими врачами по причине того, что первые пациенты имели гомосексуальные контакты. В силу этой случайности болезнь первоначально ошибочно считалась венерическим заболеванием, передававшимся половым путем, и «болезнью геев». Массмедиа активировали традиционные образы, что и привело к аналогии между СПИДом и сифилисом. Особенно это касается фотографий в газетах и журналах, которые ссылались на средневековую иконографию сифилиса³⁸. Неудивительно, что очень скоро происхождение СПИДа также свелось к Африке и Гаити. Однако вскоре врачи установили, что ВИЧ — это одна из разновидностей ретровируса, заражение которым, как, например, и вирусом гепатита В, не требует обязательного сексуального контакта, как и сексуальный контакт не обязательно приводит к заражению³⁹.

Образ гомосексуалиста как потенциального больного СПИДом сформировался прежде всего благодаря кино. Особенно *New Queer Cinema* посвятила теме СПИДа много фильмов, образно связав гомосексуалов с болезнью. Видимо, именно поэтому ВИЧ остается в массовом сознании «болезнью геев»: из-за отсутствия какой-либо другой характерной симптоматики и других столь же ярких эстетических образов. Вспомним хотя бы первый голливудский фильм «Филадельфия» (1993, Джонатан Демме), за который Тому Хэнксу, сыгравшему больного СПИДом гея, присудили «Оскара». Хотя фильм и критикует стигматизацию геев и особенно их социальную исключенность, показывая судебный процесс против дискриминации больных СПИДом, одновременно именно он закрепляет этот яркий незабываемый образ за геями, показывая СПИД как болезнь исключения, которая не затрагивает структуры государства (семья, брак, детство и т. д.). Зрителю ста-

38. Gilman S. AIDS and Syphilis.

39. Seale J. AIDS and Hepatitis B Cannot Be Venereal Diseases // Issue of the Canadian Medical Association. 1984. № 130. P. 109–110.

новится понятно, что лишь те, кто не следует гетеронормативной логике, подвергают себя опасности заражения⁴⁰.

И все же эпистемология ВИЧ иная. В отличие от сифилисного тела и «патологического» промискуитета, лежащего в его основе, вирус приобретает статус агента, который не подчиняется существующей логике социального исключения, что видно уже из гетерогенной топологии: геи, наркоманы и больные гемофилией едва ли могут считаться единой и стабильной группой исключения. Опасность заразиться для всех через любое проникновение в тело поставила механизмы исключения под вопрос. Вирус также активен и на межвидовом уровне. Как только стало ясно, что система социальной эксклюзии не совпадает с воздействием вируса, интерес СМИ к ВИЧ, в отличие от вирусологии и иммунологии, ослаб. В этом контексте едва ли удивляет связь между органическим и программированным вирусом. Оба вида вирусов недоступны знанию без технологий и необъяснимы в своем воздействии.

Причинно-следственная связь здесь разорвана, что как раз и делает явной новую эпистемологическую («постмодернистскую») парадигму, больше не основанную на теле и сексуальности как живом воплощении правды. Едва ли удивляет и анекдот о том, что один из первых троянских вирусов распространил биолог, доктор медицинских наук Йозеф Попп, член организации *Flying Doctors*, работавшей, кроме прочего, над профилактикой СПИДа в Африке. Попп разработал вирус, который распространил на дискетах на ВИЧ-конференции Всемирной организации здравоохранения в 1990 году, а также разослал по почте, заразив тем самым более тысячи компьютеров. Дискеты якобы предоставляли информацию о СПИДе в виде интерактивной базы данных,

40. Ср. наблюдение Славоя Жижека о кинофильме «Звуки музыки» (1965, Роберт Уайз), где на уровне нарративной реальности фильма говорится одно, а на уровне его виртуальной текстуры, своеобразного «письма» фильма открываются совершенно иные микросмыслы: «...честные фашисты противостоят декадентскому еврейскому космополитическому захвату. И конечно же, это может быть одной из причин того, почему этот фильм был столь популярен, почему, официально соглашаясь с нашей демократической идеологией, он в то же время отсылает нас к нашим сокрытым фашистским мечтам». По Жижеку, здесь открывается теневая, аффективная виртуальная реальность фильма, сопровождающая его официально изображаемую повествовательную реальность и оттеняющая господствующий дискурс (*Жижек С. Реальность виртуального* (5) // Cinematext.ru. <http://cinematext.ru/movie/slavoj-zhizhek-realnost-virtualno-slavoj-zizek-the-reality-of-the-virtual-2004/?page=5>).

которая активировалась на компьютере после ее установки. Вирус блокировал программы, требуя выплаты определенной суммы: 189 долларов в год или 378 долларов единовременно. Интересно, что программа-вымогатель активировалась не сразу, так что компьютерный вирус следовал здесь аналогичной ВИЧ эпистемологии, при которой невозможно проследить причинно-следственную связь. Всего Попп выслал по почте более 20 тыс. дискет⁴¹.

В этом контексте появление *COVID-19* логично — мы к нему готовились задолго до самой пандемии. Во-первых, развитие вирусологии и распознавание вирусов улучшилось, что помогает распознать болезни, о существовании которых несколько десятилетий мы и не подозревали. Кроме того, вирусы мутируют и растут вместе с населением. После ВИЧ был и птичий грипп, и свиной, и коровье бешенство (болезнь Крейцфельда–Якоба). Также вирус *SARS-CoV-2* был довольно быстро классифицирован. Но наша наука и сегодня довольно мало знает о вирусах вообще. Чем больше сможет наука определять, тем больше вирусных и бактериальных инфекций и эпидемий нас ожидает вследствие как увеличения населения, так и совершенствования научной диагностики. Вирусы не могут быть уничтожены, так как являются частью нашей биосферы. Во-вторых, нас подготовило к пандемии кино, которое уже многие десятилетия прокручивает сценарий эпидемий и других апокалипсисов, навеянных ядерной угрозой, системными переломами и критикой капитализма. Это, например, «Вирус» (Япония, 1980, Киндзи Фукасаку), «Эпидемия» (США, 1995, Вольфганг Петерсен), «28 дней спустя» (Великобритания, 2002, Дэнни Бойл), «Носители» (США, 2009, Алекс и Дэвид Пасторы) и «Эпидемия» (Испания, 2013, Алекс и Дэвид Пасторы) и многие другие⁴². То есть и сейчас для понимания происходящего мы проигрываем в воображении какой-то фильм, идем путем известных киносценариев. К примеру, фильм Стивена Содеберга «Заражение». В 2011 году он казался странным, но сегодня реальность изменилась настолько, что стала от этого фильма почти не отличима. Вирус возникает в Гонконге, где, конечно, едва ли соблюдаются гигиенические нормы. Первым инфицированным человеком и разносчиком становится деловая женщина, которая к тому же изменила сво-

41. Gierow H. Der Virus des wunderlichen Dr. Popp // Golem.de: IT-News für Profis. 26.08.2020. URL: <https://www.golem.de/news/die-erste-ransomware-der-virus-des-wunderlichen-dr-popp-1607-121809.html>.

42. См.: Robnik D. Ansteckkino. Eine politische Philosophie und Geschichte des Pandemie-Spielfilms von 1919 bis COVID-19. В.: Neofelis, 2020.

ему мужу, за что и поплатилась. Фильм связывает, таким образом, Гонконг (этнически кодированного Другого), работающую женщину и внебрачную сексуальность — заражение поэтому отсылает нас к паттерну венерологии и СПИДА, так что свобода женщины и ее сексуальность патологизируются и одновременно наказываются. Все, что связано с образом деловой женщины, образно репрессируется. Умирает она, ее сын, ее любовник и коллеги, обслуживающий персонал казино и гостиницы и т. д. Стоит ли говорить, что у ее мужа иммунитет, и он тем самым спасает свою дочь от первого брака, при этом их отношения носят инцестуозный характер. Фильм, видимо, намекает, что если все потенциальные любовники вымрут, то человечество от вымирания спасут ветхозаветные отцы семейств. Мужчина рекодируется как закон/норма, правда, в новом статусе заботливого отца, так что границы между отцом и любовником раздвигаются. Вакцину также производит дочь другого отца-врача, ее поддерживает афроамериканский эпидемиолог. Этот фильм сообщает нам о страхе, связанном с глобализацией и миром без границ, который создает новую гендерную и расовую иерархии. Патриархальный порядок остается основой основ в кризисных ситуациях, а женщины допускаются только в качестве проводников отцовской воли. При этом постулируется союз черных и белых мужчин при условии патернализма, который представлен как символическое самопожертвование собой для дочерей или угнетенных. Афроамериканский эпидемиолог отдает, к примеру, свою вакцину сыну уборщика. Этот новый порядок может защитить общество от этнического смешения, которое так же опасно, как и сексуальное заражение. Цена этого спасения — восстановление асимметричного гетеросексуального порядка внутри семьи. То есть фильм активизирует традиционные проекции и структуры исключения. Некоторые из них можно обнаружить сегодня и в реальности: особая роль семьи, которая теперь становится защитной крепостью от проникновения вирусов, укрепление патриархального порядка, так как на женщин ложится воспитание детей и забота о семье. Кроме того, усиливается и эксплуатация женщин в обслуживающей сфере, где они и дальше работают за малые деньги, подвергая себя опасности. Аналогии видны и в объяснении происхождения вируса, который снова находится далеко за пределами глобального Севера. И наконец, закрытие границ, кодирующее вирус как внешнего врага. Чем более фантазматичными и микроскопическими становятся границы тела, сдвинувшиеся теперь на молекулярный уровень, тем больше укрепляются национальные границы государств. Социальная

дистанция становится одновременно дистанцией между государствами, ограждая всех, кто нуждается в помощи, в том числе беженцев, про которых теперь никто уже и не вспоминает. В-третьих, мы готовы к (само-)изоляции посредством цифровых технологий. Размывание границ между частным и публичным давно уже стало критической темой, так что окончательная трансформация работы станет делом времени. Но, как мы видим, все к тому шло: вирус лишь форсировал события.

Несмотря на удивительно близкую с сифилисом и СПИДом иконографию, *COVID-19* изменил биополитику, которая больше не регулируется через сексуальность, а отсылает нас теперь к сетевой логике. *COVID-19* — это новая форма социальности, которая базируется не на исключении «патологических» форм сексуальности, «девиантных» или «извращенных» тел, как на предыдущих этапах. ВИЧ уже был в этом контексте переходным явлением. *COVID-19* базируется на абсолютном включении — теперь каждый, независимо от класса, происхождения, возраста, гендера, цвета кожи или вероисповедания, является прежде всего потенциальным носителем и переносчиком вируса. Вирус является актором и субъектом, люди — источниками заразы. Дифференции теперь проходят через нормы гигиены, ношение маски и соблюдение «социальной дистанции». Поэтому не удивляет крайняя политизированность новой нормы. То есть невидимый и едва ли представляемый вирус мы перформативно производим и воплощаем в повседневной практике, как и статистическими таблицами и подсчетом зараженных и заболевших. Визуализация нормы является одновременно и политическим актом подтверждения правительственных мер или их субверсией. Интересно, что центральный аргумент — не успех лечения, а опасность смерти. Кажется, что, победив *COVID-19*, мы победим и саму смерть. Закон подменен многочисленными правилами, кардинально отменившими ряд существующих законов, указывая тем самым в общем на их контингентность. В связи с этим возникает и новая структура властных отношений, благодаря которой становится возможным подключение отдельного индивидуума к Воображаемой власти, организованной не только централизованно. К ней можно подключиться через интернет, так что дифференциация проходит по оси распределения технологических ресурсов. По аналогии с подключением к интернету и в социальном пространстве открылись новые точечные, индивидуальные узлы соединения с властью на стыке нормы и коммуникации. Они же связаны с особой формой удовольствия, которое можно получить от воплощения новой нормы.

Жижек называет этот феномен удовольствия (по сути своей садистского) от строгого соблюдения нормы добавочным удовольствием, с отсылкой на марксистскую политическую экономию. Надев маску, теперь каждый может указать любому индивидууму, независимо от его статуса, на соблюдение нормы. Если это все еще «общество контроля», то мы хотим предложить расширить применение термина «делегированный контроль» для анализа социально-политической сферы. Делегированный контроль (*delegated administration/delegation of control*) применяется прежде всего в ИТ-сфере для информационного менеджмента в больших компаниях, как доступ к административным правам в той или иной программе. Именно эту логику и репродуцирует государство в социальной сфере, перекладывая на нас организацию соблюдения нормы и поднимая нас тем самым до уровня исполнительной власти. Человек человеку полицейский — теперь мы сами наблюдаем друг за другом, сами подключаемся к коллективу. С одной стороны, господствует олигоптика, которую Бруно Латур представил как видение посредством калькуляций и математических расчетов⁴³, которое едва ли дает целостную картину случившегося. С другой стороны, мы сами следим за соблюдением норм. В этой связи мы хотим предложить оригинальный термин для описания нового режима власти — это омниоптикум, вернее, взаимодействие между олигоптикой как сбором, обработкой и презентацией информации по всем возможным каналам связи, перформативным воплощением опасного вируса в социальном пространстве и омниоптикой (индивидуальным наблюдением друг за другом).

Это норма, как и любая другая норма, двулика по своей сути. С одной стороны, она требует подчинения, она репрессивна, поскольку ограничивает наше право дышать свободно, которое является абсолютным и жизненно важным. Недаром, например, в литературе дышать свободно — метафора свободного индивидуума, ограничение дыхания указывает на диктаторские структуры государства, например, в связи с травмой холокоста в романе «Передышка» (1963) Примо Леви и в произведениях Пауля Целана (*Atemkristall*, 1965; *Atemwende*, 1967) или с травмой сталинизма в романе «Вдох-выдох» (2009) Герты Мюллер; можно указать также на недавние события, связанные с *Black Lives Matter*, где полицейское насилие выразилось именно в насильственном ограниче-

43. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2014; Кузьминов В. Переопределяя государство: исследования государственного видения // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 34–63.

нии дыхания. Так и стратегия подчинения населения в Германии, опубликованная на сайте министерства внутренних дел, говорит о том, что невозможность дышать является врожденным праисторическим страхом, на который надо ссылаться и который надо медиально форсировать, чтобы принудить людей к самоизоляции и акту добровольного ограничения дыхания, акту добровольного самопожертвования⁴⁴, то есть к новой форме общежития.

С другой стороны, эта норма ослабила другие социальные различия в социальном пространстве. Например, теперь едва кто-то еще дискутирует о парандже исламских женщин. Маски как обезличили нас, так и затруднили распознавание лиц камерами, откуда в будущем будет черпать себя субверсия новых властных отношений. Пока лагеря *pro* и *contra* изоляции борются друг против друга, нет места рефлексии и полутонам вне отмеченной милитаристской и к тому же бинарной логики. Что у нас пока плохо получается, так это создать новую форму солидарности. В этом согласны авторы самых разнообразных политических, сексуальных и эпистемологических ориентаций.

Но что нам действительно необходимо в сложившейся ситуации, так это новая «вирусориентированная» онтология и новая этика общежития как с человеческими, так и с нечеловеческими объектами, как с живыми, так и с зомбированными и киборгизированными существами, которая не просто отказалась бы от бинарной логики исключения, но допускала альтернативные виды знания и топологии, начало которым положила реферируемый здесь феминистский теоретик Донна Харауэй, а также и другие авторы, как, например, Мария Пуиг де ла Беллакаса или Карен Барад, показавшие, что иная топология знания и тем самым другая организация жизни возможны. Но нашей рефлексией мы хотим не просто обратить внимание на возможность какой-то альтернативной эпидемиологической онтологии или медицинской герменевтики, но инициировать ревизию действующих методологических подходов и понятий, приглашая к диалогу и сотворчеству новых форм социальности всех заинтересованных ученых, специалистов и журналистов.

44. Wie wir COVID-19 unter Kontrolle bekommen. Strategiepapier// Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. 27.08.2020. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/2020/corona/szenarienpapier-covid-19.pdf;jsessionid=1B2DoD4BCBDC135C751A2B5BD-DoE27Do.2_cid373?__blob=publicationFile&v=4.

Заключение

Главная черта произошедшего состоит в его глобальном характере — опыт локдауна и карантинные меры коснулись практически каждого. Дело, таким образом, не только в том, что пандемия — это панмедийный конструкт. До *COVID-19* представители ныне живущих поколений никогда не чувствовали себя объектами столь массированных медико-полицейских мероприятий, не участвовали в коллективных действиях планетарного масштаба, опытно, своей кожей не ощущали свою принадлежность к подобному мегасобытию. По степени вовлеченности населения в это событие и его обсуждаемости на всех уровнях и со всех сторон коронавируса можно сравнить разве что с мировой войной. Но именно в этой аналогии или метафоре и кроется подвох.

Разумеется, многие оказывались на карантине и раньше, имели опыт пребывания в инфекционной больнице, сидели в тюрьме или находились под подпиской о невыезде, но столь пристального внимания к соответствующему событию заражения и пандемии, глобального слежения и медиасопровождения, становления новой формы медиагосударственного контроля и индивидуального делигированного (само)контроля (своего рода «омниоптика») при нашей жизни еще не было.

Можно ответственно сказать, что на сцену постистории вступает новый планетарный субъект или даже вирус как политический субъект и человечество как планетарный объект этого вируса, произведенные глобализацией, массмедиа, медицинскими и цифровыми технологиями. Но, к сожалению, то, что нас как человечество объединяет, — экологические угрозы, климатические изменения, информационные технологии, нестабильные рынки и вирусные пандемии, — как правило, остается на уровне государственного управления поводом для отчуждения и запирательства, закрытия границ и ограничения в рамках национальных интересов, пусть и временного восстановления дисциплинарных и даже суверенных моделей власти. Мы не говорим, что соответствующие меры во время пандемии *COVID-19* оказались бесполезными, но настораживает их безальтернативность на фоне характерного исторического *déjà vu*. Как раз здесь аналогия с войной выглядит наиболее двусмысленно — вместо сотрудничества на фоне глобального вызова правительства ведущих государств воспроизвели в своей политике грамматику холодной войны и колониальной системы: здесь и стигматизация Китая как источни-

ка вируса, дружба России с Италией против Европейского союза, попытки Дональда Трампа выкупить эксклюзивные права на вакцину, взаимный шпионаж и т. д. При этом международные организации, подобные ВОЗ, оказались скомпрометированными и неэффективными.

Серджо Бенвенуто в заметке «Забудьте про Агамбена» резок, но справедлив:

Незамедлительной реакцией на пандемию коронавируса сторонников суверенитета (облагораживающий эвфемизм для обозначения неофашистов) оказался рефлекс, которого мы все ожидали от ксенофобов: закрытие границ и отождествление COVID-19 с Чужаком. Это то, что сделал Трамп, заблокировав сообщение с Европой, не предпринимая при этом никаких мер на внутреннем уровне. Опасность всегда исходит извне, а не изнутри⁴⁵.

Но мыслимы ли здесь какие-то альтернативы, не считая шведской отрешенности? Работающий в Берлине южнокорейский философ Бюн-Чул Хан считает, что азиатские страны справились с вирусом лучше, чем Запад, за счет своего отличного от либерального мировоззрения авторитарного менталитета, безраздельного доверия государству, коллективизма и отсутствия критических представлений о цифровом надзоре и сборе личных данных. Это позволило, например, Тайваню и Корее не закрывать магазины и рестораны, не запирают свое население по домам, а, сделав ставку на тотальное наблюдение и анализ данных, гораздо экономнее и эффективнее обезопасить здоровье и жизни людей, чем меры по самоизоляции и закрытию границ. 200 миллионов камер с софтом для распознавания лиц и замером температуры позволили Китаю локализовать и победить распространение вируса:

Когда кто-то покидает станцию в Пекине, его автоматически снимает камера, которая измеряет температуру его тела. В случае возникновения опасений по поводу температуры все люди, сидящие в одном вагоне, уведомляются об этом по мобильному телефону. Система знает, кто где сидел в поезде. Социальные сети сообщают, что для контроля за карантином используются даже беспилотники. Если кто-то тайно нарушает карантин, к нему подлетает беспилотник и приказывает вернуться домой...

45. *Benvenuto S.* Forget About Agamben // *European Journal of Psychoanalysis.* 20.03.2020. URL: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/?fbclid=IwARoT2LTefj365rYyIPXzVqbcQ13lGnX5gLVn6_XsIRDb-c2h9dXGo_vHqtu8.

Подобная невыносимая для европейцев ситуация, по всей видимости, не встречает сопротивления в Китае⁴⁶.

Возможно, Западу ради выживания лучше отказаться от ряда своих индивидуалистических ценностей и бесполезных суверенных решений? Вопрос Хана звучит провокационно, но излишне риторично. Гораздо интереснее поставить вопрос о том, почему это невозможно. Как китайцы не столь уж покорны и безразличны к личной выгоде ввиду своего якобы природного конфуцианства (как пишет сам Хан, не стоит путать эгоизм с индивидуализмом), так и европейцы не станут отказываться от своих демократических ценностей и свободолобивых практик вовсе не потому, что они по природе гуманисты или фаталисты.

Стоило бы обратиться к устройству социальных ритуалов и управленческих моделей, которые и определяют в конечном счете пресловутый коллективизм, индивидуализм и отношение к личным данным. Мы имеем в виду секуляризованные до неузнаваемости жертвенные ритуалы, которые формально контрастируют с целями непосредственного выживания. Понятно, что на добровольные жертвы европейцы готовы идти только в лайт-режиме принятия рисков авиаперевозок, движения на автобанах и прочих цивилизационных издержек (разрушения экологии, например). Но кроме того, что риски эти распределены и хотя бы формально кто-то берет за них ответственность (государство, частные компании и т. д.), сам ритуал устроен так, что дает иллюзию безопасности, господства над миром и принадлежности к истории⁴⁷.

Перефразируя размышления Зонтаг о СПИДе, можно сказать, что COVID-19 стал обладать такой мировой значимостью не потому, что первые лица государства, миллионеры, белые воротнички и дауншифтеры им тоже болеют, а

... поскольку это мировое событие, то есть касающееся Запада, оно не воспринимается как просто естественная катастрофа. Оно наполнено историческим значением... Мы настолько хорошо освещаем

46. См.: *Byung-Chul H.* La emergencia viral y el mundo de mañana // El País. 22.03.2020. URL: <https://elpais.com/ideas/2020-03-21/la-emergencia-viral-y-el-mundo-de-manana-byung-chul-han-el-filosofo-surcoreano-que-piensa-desde-berlin.html?fbclid=IwAR2M2Ls8bIfnVpoWFngJN63xaoVAzXIWz5y-Ygc6WlMrbPFjrHbD8AyRXgs>.

47. Ср. похожие замечания Поля Пресьядо о шаманизме Тупи по Вивейрушу ди Кастро: *Пресьядо П.* Остановите мир. Я хочу сойти // Центр политического анализа. 08.09.2020. URL: <https://centerforpoliticalanalysis.ru/position/read/id/ostanovite-mir-ja-hochu-sojti>.

домлены о КОВИДе из-за его имиджа. Привилегированным слоям населения он видится моделью всех грядущих катастроф⁴⁸.

Таким образом, настоящий вызов для наших «ковидных» рефлексий состоит в том, чтобы решить, обладает ли пандемия коронавируса каким-либо значением или историческим смыслом для России, а для этого нам следует выйти из бинарных оппозиций Азии и Европы, Запада и Востока, Севера и Юга и т. д. Ведь вы уже поймали себя на мысли, что в разобранном нами заочном триалоге Пресьядо, Вагнера и Хана вы, как представители русской ментальности, не можете полностью себя идентифицировать ни с китайцами-корейцами, ни с итальянцами-испанцами, ни с американцами-англичанами, не говоря уже о «разных прочих шведах». Можно ли здесь говорить о синтезе или каком-то особом «русском пути»? Едва ли.

Преобладающая эмоция от общения со СМИ и властью за период карантина у большинства россиян — это унижение и чувство вины. После двусмысленных разрешений выйти на улицы в майские праздники людей стали оскорбительно именовать «шашлычниками», ничего не понимающим быдлом, ковидиотами, не имеющими элементарных научных знаний и этических норм. Но вскоре самоизоляция была отменена по всей стране. Число заболевших ползло вверх, однако это уже никого не смущало, никто не стал это комментировать, а тем более брать оскорбления назад. Складывается впечатление, что журналистам больше нечего сказать, а публичные политики просто не знают, что теперь делать. В ближайшее время карантин вернется обратно, затем опять будет снят, но чрезвычайное положение уже не будет отменено никогда, по крайней мере в сознании людей, перепуганных самими же журналистами и властями предержавшими.

Библиография

Делёз Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004.

Жижек С. Реальность виртуального (5) // Cinematext.ru. URL: <http://cinematext.ru/movie/slavoj-zhizhek-realnost-virtualnogo-slavoj-zizek-the-reality-of-the-virtual-2004/>.

Крастев И. Семь последствий пандемии коронавируса // Sapere aude. 26.07.2020. URL: <http://sapere.online/post/sem-posledstvii-pandemii-koronavirusa>.

Кузьминов В. Переопределяя государство: исследования государственного видения // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 34–63.

48. Ср. фрагмент книги Сьюзен Зонтаг «СПИД и его метафоры» в настоящем номере «Логоса».

- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2014.
- Маяцкий М. Диагноз без прогноза // Colta. 20.04.2020. URL: <http://colta.ru/articles/society/24142-mihail-mayatskiy-o-peremenah-i-paradoksah-pandemii>.
- Пресьядо П. Остановите мир. Я хочу сойти // Центр политического анализа. 08.09.2020. URL: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/ostanovite-mir-ja-hochu-sojti>.
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Миръ, 2016.
- Сонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2016.
- Сонтаг С. СПИД и его метафоры // Она же. Болезнь как метафора. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж», 2016. С. 153–175.
- Тарантул В. Имя ему СПИД. Четвертый всадник Апокалипсиса. М.: ЯСК, 2005.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ad Marginem, 2017.
- Agamben G. L'invenzione di un'epidemia // Quodlibet. 26.02.2020. URL: http://quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia?fbclid=IwAR3YZmAoLVJLM1l9PgCJmicbXGVARCv_GRmL2_oubgiEZG4dKU2WigOfrFY.
- Benvenuto S. Forget About Agamben // European Journal of Psychoanalysis. 20.03.2020. URL: http://journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/?fbclid=IwARoTzLTefj365rYyIPXzVqbcQ13lGnX5gLVn6_XsIRDbc2h9dXGo_vHqtu8.
- Braun C., Stephan I. Gender@Wissen. Ein Handbuch der Gender-Theorien. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013.
- Butler J., Laclau E., Žižek S. Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left. L.; N.Y.: Verso, 2000.
- Byung-Chul H. La emergencia viral y el mundo de mañana // El País. 22.03.2020. URL: <http://elpais.com/ideas/2020-03-21/la-emergencia-viral-y-el-mundo-de-manana-byung-chul-han-el-filosofo-surcoreano-que-piensa-desde-berlin.html?fbclid=IwAR2M2Ls8b1fnVpoWFngJN63xaoVAzXlWz5y-Ygc6WIM-rbPFjrHbD8AyRXgs>.
- Coronavirus and Philosophers // European Journal of Psychoanalysis. 20.03.2020. URL: http://journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/?fbclid=IwAR34la7C6s_4JHu_FJEkN-W1ZWQeZ5qhBFxOEh3uBrz7B5NGuP8lp5Z4gfE.
- Dwivedi D., Mohan S. The Community of the Forsaken: A Response to Agamben and Nancy // Positions. 06.08.2020. URL: <http://positionspolitics.org/divya-dwivedi-and-shaj-mohan-the-community-of-the-forsaken-a-response-to-agamben-and-nancy>.
- Esposito R. Immunitas. Schutz und Negation des Lebens. B.: Diaphanes, 2004.
- Gierow H. Der Virus des wunderlichen Dr. Popp // Golem.de: IT-News für Profis. 26.08.2020. URL: <http://golem.de/news/die-erste-ransomware-der-virus-des-wunderlichen-dr-popp-1607-121809.html>.
- Gilman S. AIDS and Syphilis: The Iconography of Disease // October. Winter 1987. Vol. 43: AIDS: Cultural Analysis/Cultural Activism. P. 87–107.
- Gilman S. Rasse, Sexualität und Seuche: Stereotype aus der Innenwelt der westlichen Kultur. Hamburg: Rowohlt, 1992.
- Gilman S. The Case of Sigmund Freud. Medicine and Identity at the Fin de Siècle. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.

- Gradinari I., Pause J. Medialisierung der Macht. Zur Gegenwart des politischen Kinobildes // *Medialisierung der Macht* / I. Gradinari, N. Immer, J. Pause (Hg.). Paderborn: Wilhelm Fink, 2018. S. 9–32.
- Haraway D. Die Biopolitik postmoderner Körper. Konstitutionen des Selbst im Diskurs des Immunsystems // *Idem. Die Neuerfindung der Natur*. Fr.a.M.; N.Y.: Campus, 1995.
- Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism as a Site of Discourse on the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. 1988. Vol. 14. № 3. P. 575–599.
- Hödl K. Der 'jüdische Körper' als Stigma // *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*. 1997. № 8. S. 212–230.
- Hödl K. Die Verweiblichung der Juden // *Idem. Die Pathologisierung des jüdischen Körpers. Antisemitismus, Geschlecht und Medizin im Fin de Siècle*. Wien: Picus, 1997. S. 164–232.
- Kracauer S. Von Caligari zu Hitler: Eine psychologische Geschichte des deutschen Films. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1984.
- Latour B. La crise sanitaire incite à se préparer à la mutation climatique // *Le Monde*. 25.03.2020. URL: http://lemonde.fr/idees/article/2020/03/25/la-crise-sanitaire-incite-a-se-preparer-a-la-mutation-climatique_6034312_3232.html?fbclid=IwAR24a11jd_estM54wPR7nSuUEBOWtuZdZlkcmRgbr9exZMbZ_iigkzYsHs.
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Preciado P. Learning From the Virus // *Artforum*. 06.07.2020. URL: <http://artforum.com/print/202005/paul-b-preciado-82823>.
- Quétel C. Der Preis der Sünde. Die Lustseuche im Ancien Régime // *Die sexuelle Gewalt in der Geschichte* / A. Corbin (Hg.). B.: Klaus Wagenbach, 1992. S. 29–44.
- Robnik D. Ansteckkino. Eine politische Philosophie und Geschichte des Pandemie-Spielfilms von 1919 bis COVID-19. B.: Neofelis, 2020.
- Seale J. AIDS and Hepatitis B Cannot Be Venereal Diseases // *Issue of the Canadian Medical Association*. 1984. № 130. P. 1109–1110.
- total. — Universalismus und Partikularismus in post_kolonialer Medientheorie / U. Bergermann, N. Heidenreich (Hg.). Bielefeld: Transcript, 2015.
- Wagner P. COVID19, HIV/AIDS, and the "Spanishflu": Historical Moments and Social Transformations // *Thesis Eleven*. 24.06.2020. URL: <http://thesesonline.com/2020/07/24/covid-19-hiv-aids-and-the-spanish-flu-historical-moments-and-social-transformations>.
- Wie wir COVID-19 unter Kontrolle bekommen. Strategiepapier // Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. 27.08.2020. URL: http://bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/2020/corona/szenarienpapier-covid-19.pdf;jsessionid=1B2DoD4BCBDC135C751A2B5BDD0E27Do.2_cid373?__blob=publicationFile&v=4.
- Wood C. S. Syphilis in Anthropological Perspective // *Social Science and Medicine*. 1978. № 1. P. 47–55.
- Žižek S. *Die Pest der Phantasmen: Die Effizienz des Phantasmatischen in den neuen Medien*. Wien: Passagen, 1997.

IRINA GRADINARI. Professor for Gender Studies, Institute of Modern German Literature and Media Science, Faculty of Cultural and Social Sciences, irina.gradinari@fernuni-hagen.de.

FernUniversität in Hagen (FU Hagen), 33 Universitätsstraße, 58097 Hagen, Germany.

IGOR CHUBAROV. Director, Institute of Social Sciences and Humanities; Vice Rector, i.m.chubarov@utmn.ru.

University of Tyumen (UTMN), 23 Lenin St., Tyumen 625003, Russia.

Keywords: HIV; AIDS; syphilis; COVID-19; biopolitics; social exclusion; Donna Haraway.

The article is devoted to a genealogy of the attitude toward viruses in social and political practice in light of the new coronavirus pandemic. The disciplinary society and the society of control have taken on a completely new configuration since the HIV crisis in the 1980s. AIDS and now COVID-19 as phenomena of social crisis have had a great impact on (sexual) relationships and have also caused a significant change in the social and political order. Epidemics and pandemics mobilize political structures and constitute power relations, thus changing the way bodies are controlled, establishing new differentiations and redefining what disease is. The authors trace the development of discourses about syphilis, AIDS and COVID-19 to describe how knowledge about the disease is being generated today; it has origins in myth and would be unthinkable without aesthetic visualization and mass media technologies. Syphilis was an exact fit for the paradigm of the disciplinary society, which stigmatized bodily pleasure and abstracted pathology by activating projection mechanisms as a sign of the Other. However, AIDS already differed significantly from that paradigm because other medical technologies are used to define HIV, and that has affected the epistemology of the disease and epidemic.

The article considers HIV/AIDS as a transitional model that forms a bridge between the epidemics of the past (leprosy, plague, smallpox, syphilis) and the COVID-19 pandemic. Above all there is a change in the biopolitical regime so that bodies are no longer controlled and regulated through sexuality. COVID-19 is a new form of sociality which is not based on the exclusion of “pathological” forms of sexuality or on “deviant” or “perverted” bodies, but involves the object-based, micro-level of relations between viruses, the immune system, and the human genome, which are then mapped with distortions and substitutions onto social relationships and practices. The authors use the term “delegated control” in a new context and introduce the original term “omniopicum” to describe the new regime of biopolitics and the “control society” in the post-COVID era.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-1-83-109

References

- Agamben G. L'invenzione di un'epidemia. *Quodlibet*, February 26, 2020. Available at: http://quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia?fbclid=IwAR3YZmAoLVJLM19PgCJmicbXGVARCv_GRmL2_oubg1EZG4dKU2WigOfrFY.
- Benvenuto S. Forget About Agamben. *European Journal of Psychoanalysis*, March 20, 2020. Available at: http://journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/?fbclid=IwARoT2LTefj365rYylPXzVqbcQ13lGnX5gLVn6_XsIRDbc2h-9dXGo_vHqtu8.

- Braun C., Stephan I. *Gender@Wissen. Ein Handbuch der Gender-Theorien*, Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2013.
- Butler J., Laclau E., Žižek S. *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*, London, New York, Verso, 2000.
- Byung-Chul H. La emergencia viral y el mundo de mañana. *El País*, March 22, 2020. Available at: <http://elpais.com/ideas/2020-03-21/la-emergencia-viral-y-el-mundo-de-manana-byung-chul-han-el-filosofo-surcoreano-que-piensa-desde-berlin.html?fbclid=IwAR2M2Ls8bIfnVpoWFngJN63xaoVAzXlWz5y-Ygc6WIMrbPFjrHbD8AyRXgs>.
- Coronavirus and Philosophers. *European Journal of Psychoanalysis*, March 20, 2020. Available at: http://journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/?fbclid=IwAR34la7C6s_4JHu_FJEkN-W1ZWQeZ5qhBFxOEh3uBrz7B5NGu-P8lp5Z4gfe.
- Deleuze G. Peregoryov [Pourparlers], Saint Petersburg, Nauka, 2004.
- Dwivedi D., Mohan S. The Community of the Forsaken: A Response to Agamben and Nancy. *Positions*, August 6, 2020. Available at: <http://positionspolitics.org/divya-dwivedi-and-shaj-mohan-the-community-of-the-forsaken-a-response-to-agamben-and-nancy>.
- Esposito R. *Immunitas. Schutz und Negation des Lebens*, Berlin, Diaphanes, 2004.
- Gierow H. Der Virus des wunderlichen Dr. Popp. *Golem.de: IT-News für Profis*, August 26, 2020. Available at: <http://golem.de/news/die-erste-ransomware-der-virus-des-wunderlichen-dr-popp-1607-121809.html>.
- Gilman S. AIDS and Syphilis: The Iconography of Disease. *October*, winter 1987, vol. 43: AIDS: Cultural Analysis/Cultural Activism, pp. 87–107.
- Gilman S. *Rasse, Sexualität und Seuche: Stereotype aus der Innenwelt der westlichen Kultur*, Hamburg, Rowohlt, 1992.
- Gilman S. *The Case of Sigmund Freud. Medicine and Identity at the Fin de Siècle*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1993.
- Gradinari I., Pause J. Medialisierung der Macht. Zur Gegenwart des politischen Kinos. *Medialisierung der Macht* (Hg. I. Gradinari, N. Immer, J. Pause), Paderborn, Wilhelm Fink, 2018, S. 9–32.
- Haraway D. Die Biopolitik postmoderner Körper. Konstitutionen des Selbst im Diskurs des Immunsystems. *Die Neuerfindung der Natur*, Frankfurt am Main, New York, Campus, 1995.
- Haraway D. *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologija i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh* [A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s], Moscow, Ad Marginem, 2017.
- Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism as a Site of Discourse on the Privilege of Partial Perspective. *Feminist Studies*, 1988, vol. 14, no. 3, pp. 575–599.
- Hödl K. Der 'jüdische Körper' als Stigma. *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*, 1997, no. 8, S. 212–230.
- Hödl K. Die Verweiblichung der Juden. *Die Pathologisierung des jüdischen Körpers. Antisemitismus, Geschlecht und Medizin im Fin de Siècle*, Wien, Picus, 1997, S. 164–232.
- Kracauer S. *Von Caligari zu Hitler: Eine psychologische Geschichte des deutschen Films*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1984.
- Krastev I. Sem' posledstviï pandemii koronavirusa [Seven Consequences of COVID Pandemic]. *Sapere aude*, July 26, 2020. Available at: <http://sapere.online/post/sem-posledstviï-pandemii-koronavirusa>.

- Kuzminov V. Pereopredeliia gosudarstvo: issledovaniia gosudarstvennogo videniia [Redefining the State: Seeing Like a State Research]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 4–5, pp. 34–63.
- Latour B. La crise sanitaire incite à se préparer à la mutation climatique. *Le Monde*, March 25, 2020. Available at: http://lemonde.fr/idees/article/2020/03/25/la-crise-sanitaire-incite-a-se-preparer-a-la-mutation-climatique_6034312_3232.html?fbclid=IwAR24a1j1d_estM54wPR7nSuUEBOWtuZdZIkcmRg-br9exZMbz_iigkzkYsHs.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], Moscow, HSE, 2014.
- Maiatsky M. Diagnostika bez prognoza [Diagnosis Without Prognosis]. *Colta*, April 20, 2020. Available at: <http://colta.ru/articles/society/24142-mihail-mayatskiy-opere-menah-i-paradokhsah-pandemii>.
- Preciado P. Ostanovite mir. Ia khochu soiti [On the Verge]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], September 8, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/ostanovite-mir-ja-hochu-sojti>.
- Preciado P. Uroki virusa [Learning From the Virus]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis], May 7, 2020. Available at: <http://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/uroki-virusa>.
- Quérel C. Der Preis der Sünde. Die Lustseuche im Ancien Régime. *Die sexuelle Gewalt in der Geschichte* (Hg. A. Corbin), Berlin, Klaus Wagenbach, 1992, S. 29–44.
- Robnik D. *Ansteckkino. Eine politische Philosophie und Geschichte des Pandemie-Spielfilms von 1919 bis COVID-19*, Berlin, Neofelis, 2020.
- Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the Orient], Saint Petersburg, Russkii Mir, 2016.
- Seale J. AIDS and Hepatitis B Cannot Be Venereal Diseases. *Issue of the Canadian Medical Association*, 1984, no. 130, pp. 1109–1110.
- Sontag S. *Bolezn' kak metafora* [Illness As Metaphor], Moscow, Ad Marginem, Garage MCA, 2016.
- Sontag S. SPID i ego metafory [AIDS and Its Metaphors]. *Bolezn' kak metafora* [Illness As Metaphor], Moscow, Ad Marginem, Garage MCA, 2016.
- Tarantul V. *Imia emu SPID. Chetvertyi vsadnik Apokalipsisa* [Its Name is AIDS. The Fourth Horseman of the Apocalypse], Moscow, IaSK, 2005.
- total. — Universalismus und Partikularismus in post_kolonialer Medientheorie* (Hg. U. Bergermann, N. Heidenreich), Bielefeld, Transcript, 2015.
- Wagner P. COVID19, HIV/AIDS, and the “Spanishflu”: Historical Moments and Social Transformations. *Thesis Eleven*, June 24, 2020. Available at: <http://thesiseleven.com/2020/07/24/covid-19-hiv-aids-and-the-spanish-flu-historical-moments-and-social-transformations>.
- Wie wir COVID-19 unter Kontrolle bekommen. Strategiepapier. *Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat*, August 27, 2020. Available at: http://bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/2020/corona/szenarienpapier-covid-19.pdf;jsessionid=1B2DoD4BCBDc135C751A2B5BDD0E27Do.2_cid373?__blob=publicationFile&v=4.
- Wood C. S. Syphilis in Anthropological Perspective. *Social Science and Medicine*, 1978, no. 1, pp. 47–55.
- Žižek S. *Die Pest der Phantasmen: Die Effizienz des Phantasmatischen in den neuen Medien*, Wien, Passagen, 1997.
- Žižek S. Real'nost' virtual'nogo (5) [The Reality of the Virtual (5)]. *Cinematext.ru*. Available at: <http://cinematext.ru/movie/slavoj-zhizhek-realnost-virtualnogo-slavoj-zizek-the-reality-of-the-virtual-2004/>.